

БАЛКАНЫ: РАЗДЕЛЕННЫЕ ИЛИ РАЗДЕЛИВШИЕСЯ? АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ БАЛКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т. И. Попадьева

Попадьева Татьяна Игоревна

E-mail: tatropadyova@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0624-2732

ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, 117997, Москва, Россия.

Аннотация. Государства бывшей Югославии, и шире — Балканы, на сегодняшний день остаются одной из реперных точек мировой политики. Во многом Балканский полуостров до сих пор считается «пороховой бочкой Европы» в связи с политической разделенностью населяющих его сообществ. Однако устоявшийся инструментарий анализа политических процессов в регионе часто обнаруживает свою прогностическую несостоятельность. Одним из решений в построении траекторий политического развития Балкан может стать идентитарная призма исследования. В контексте обострения этнополитических конфликтов после дезинтеграции СФРЮ, конкуренции национальных проектов и дискурсов развития новообразованных политий, войн памяти и борьбы исторических нарративов, экономических кризисов и глобального переустройства мира в данной статье представлена классификация постъюгославских государств по характеру политизации социальных размежеваний, сопутствующих идентификационным процессам в регионе.

Ключевые слова: Балканы, постъюгославское пространство, разделенные общества, идентичность, фронтир.

Сегодня страны бывшей Югославии представляют в политической науке один из ярких примеров «пространства постоянно изменяющихся идентичностей» (Дробижева, 2008), формирующих социальные, культурные и политические расколы в обществе. В науке феномен разделенных обществ традиционно рассматривается с точки зрения классической теории социальных кливажей (Lipset, 1960; Rokkan, 1967, 1973, Lipset & Rokkan, 1967; Lijphart, 1968), среди которых выделяют «свои — иные — чужие», «цивилизация — варварство», «власть — народ», а также размежевания по линиям «конфликтность — интеграция», «государство — церковь», «центр — периферия», «урбанизм — руральность», «управляющие — управляемые». Безусловно, подобные разграничения «воображаемых сообществ» по Б. Андерсону (Андерсон, 2001) позволяют анализировать политические идентичности балканского сообщества и прежде всего электоральное поведение его представителей. Однако, как замечают российские исследователи, случаи незападных стран (а научные дискуссии насчет «западных» и «незападных» Балкан до сих пор ведутся) «фиксируют множество конфликтных противостояний, появляющихся под воздействием кумулятивного эффекта разделений совпадающей направленности (coinciding/reinforcing cleavages), которые далеко не всегда компенсируются разнонаправленно пронизывающими общество разделениями (cross-cutting cleavages)» (Семененко, Лапкин, Пантин, 2021, с. 62). Иными словами, в эпоху кризиса институтов Модерна на Балканах наблюдаются трансгрессивные процессы (само)идентификации, когда социальные размежевания не диаметрально противоположны и взаимно исключают друг друга, но, напротив, подразумевают совмещение несовместимых, казалось бы, идентичностей. Так, например, государственные границы

стран бывшей СФРЮ можно отчетливо представить (за исключением некоторых случаев¹), но если рисовать карту балканских кливажей, то границы на ней будут постоянно меняться, противоречить друг другу или, напротив, растворяться друг в друге, превращая территорию в единое пространство.

В отечественной науке сравнительно недавно была предложена «Когнитивная карта исследовательского поля социальных размежеваний и их политических проекций» (подробнее см.: Семененко и др., 2021, с. 70–74). На ее основе для постъюгославского ландшафта возможна следующая диверсификация ведущего раскола относительно балканского дискурса: центр — фронтир.

Модернизируя теорию Липсета – Роккана о расколе «центр — периферия», поскольку речь идет уже не о внутригосударственных процессах, и анализируя балканский дискурс на постъюгославском пространстве, уместно классифицировать страны региона относительно того, какие из них относятся к «центру» балканской идентичности, какие из них находятся на этапе формирования фронтирной идентичности относительно балканской идеи, а какие расположены внутри центр-фронтирной полярности, испытывая одновременно влияние центробежных и центростремительных сил. В отличие от географической карты центр-фронтирная полярность представляет собой воображаемый конструкт, позволяющий отследить текущее положение выбранных для анализа стран относительно нарративов, сопутствующих процессу их идентификации.

Балканская идентичность, как показывает исследование далее, включает в себя также расколы по основаниям: «этническая группа — гражданство», «вера — неверие/конфессиональное противостояние», «языковая однородность — языковое разнообразие», «традиционализм/архаика — модерн».

Неопределяемые границы Балкан

Для обозначения постъюгославского пространства в научной литературе используется ряд терминов, среди которых: Балканы, страны бывшей Югославии, «Западные Балканы», страны Центральной и Восточной Европы, Юго-Восточная Европа.

Балканы в этом списке представляются наиболее политически заряженными, поскольку данное обозначение не только определяет географическое положение региона, но и порождает ряд политизированных терминов, например, балканизм и балканизация.

Само название Балканы, вероятнее всего, происходит из турецкого или персидского языка и обозначает горный лесной массив. Как пишет М. Тодорова, первые упоминания термина встречаются еще в XV в., однако лишь в конце XIX — начале XX в. Балканы приобретают не только географический смысл, но и культурно-социальную и политическую коннотации, определяя сообщество людей, которые населяли данные территории (Todorova, 2006, s. 76–88).

К балканским государствам обычно относят 11 стран: Болгарию, Албанию, Румынию, Грецию, Турцию и страны бывшей СФР Югославии (Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, Словению, Хорватию, Северную Македонию). Здесь стоит отметить, что точное количество стран, расположенных на Балканском полуострове,

¹ Сложности с территориальными границами существуют не только между Сербией и самопровозглашенной «Республикой Косово». К примеру, территориальные споры возникают и между Болгарией и Северной Македоницией, Грецией и Северной Македоницией, Словенией и Хорватией.

часто ставится под сомнение. Так, например, европейская часть Турции находится на крайнем юге Балканского полуострова, и, хотя в физико-географическом отношении Турция является страной Малой Азии, по геостратегическим, историческим и цивилизационным характеристикам ее иногда относят к балканским странам. С определением северных границ Балкан связаны проблемы Словении и Хорватии. По одной из версий граница на севере проходит по рекам Дунай, Сава, Купа и спускается к Риекскому заливу, отчего часть Хорватия находится на Балканах, а Словения уже нет. Однако, согласно другой точке зрения, эту границу проводят по рекам Сава и Крка через Постойнску-Яму и реки Випава и Соча, впадающим в Триестский залив, таким образом на полуострове расположены и Словения, и Хорватия (Михайлов, 2013, с. 141). Данное исследование ограничивается лишь постъюгославским пространством, общее политическое прошлое которого позволяет отследить различные нарративы общей балканской идентичности.

Идентитарную карту Балкан описать еще сложнее, чем географическую. Как пишет словенский философ С. Жижек, Балканы — это всегда фронтир, положение которого передвигается в зависимости от позиции смотрящего: «Для сербов Балканы начинаются южнее, в Косово или Боснии, где сербы защищают христианскую цивилизацию от европейского «другого». Для хорватов они начинаются в православной деспотической византийской Сербии, от которой Хорватия защищает ценности демократической западной цивилизации. Для словенцев — в Хорватии, и при этом мы, словенцы, — последний форпост мирной Центральной Европы. Для итальянцев и австрийцев — в Словении, где начинается правление славянских орд. (...) Таким образом, Балканы — это всегда «другой»: он не здесь, он где-то еще, чуть дальше к юго-востоку» (Žižek, 1999).

С момента появления термина «Балканы» за этим регионом закрепилась характеристика пространства политической нестабильности, которая традиционно объяснялась тем, что на протяжении своей истории Балканский полуостров являлся местом одновременного слияния и взаимопроникновения культур, языков, традиций и цивилизационных кодов, но в то же время и точкой непреходящей конфликтности на этнической, религиозной, языковой, политической и других почвах. Неслучайно «перекрестный» характер пространства прочно закрепился и в культуре региона. Например, в песне 1993 г. югославской и сербской рок-группы «Баяга и инструкторы» звучит:

*Ovo je ovde Balkan, zemlja iz sna
između moćnih sila dobra i zla.
Tu svako može biti dušman i brat,
svakih pedeset leta izbija rat.*
(Это Балканы, земля из сна
между могущественными силами добра и зла.
Каждый может быть здесь враг или свой —
каждые пятьдесят лет здесь закипает бой)
(Bajagić, 2012).

Вместе с тем восприятие постъюгославского пространства как составной, если не основной, части Балканского полуострова через метафоры перекрестка или моста (между Востоком и Западом, Европой и Азией, христианством и исламом,

цивилизацией и варварством, список можно продолжать) заметно устарело, прежде всего потому, что подобные клише лишают политической и культурной субъектности страны региона и представляют карту Балкан как соседствующие квазиколониальные политии, тяготеющие к новым «имперским» центрам. По той же причине в политической науке наблюдается отход от термина «балканизм», обозначающего по аналогии с «ориентализмом» Э. Саида (Саид, 2006) западное восприятие характерных черт балканских народов как внешних «Других».

Негативная идентичность балканских народов в данном случае носит аскриптивный (приписываемый извне) характер, отчего в определениях данного социума изобилуют отрицательные коннотации. Так, балканизм — это бегство от цивилизации, пережитки «османского деспотизма» в противовес европейской демократии. Балканизм необходим больше европейскому дискурсу для определения самих себя: «...даже если речь идет о некой полуориентализации (“внутренний Другой”), символическая география Балкан, во-первых, до сих пор концептуализируется в неоколониальной оптике, во-вторых, обеспечивает существование необходимых для европейской идентичности “Других” на ближней периферии» (Малешевич, 2022, с. 90).

Истоки осмысления балканской идентичности

Одной из первых работ по осмыслению балканской идентичности можно считать монографию Й. Цвиича «Психологические особенности южных славян» (Цвијић, 2019), где были представлены результаты полевых исследований автора с 1887 по 1915 г. на территории Балканского полуострова. Хотя впоследствии работа неоднократно подвергалась критике за стереотипизацию и недостаточную методологическую фундированность, она не только определила балканский научный дискурс на следующее столетие, но и прочно укрепилась в идеологиях последующих постъюгославских политий.

Й. Цвиич выделил четыре этнопсихологических типа людей, проживающих на Балканском полуострове: динарский тип (Шумадия, Эрская область, территории Боснии и Адриатического побережья), центральный тип (Косово и Метохия, Западная Македония, Моравско-Вардарский, Шопский и Южно-Македонский регионы), восточно-балканский тип (Нижний Дунай, Центральное нагорье, Южный или Румелийско-Фракийский и Помакский регионы), панонский тип (Сремско-Банатский, Славонский и Альпийский регионы).

Примечательно, что, говоря об этнических группах, проживающих на полуострове, Цвиич подчеркивал, что разительно отличаются западные и восточные югославы: сербо-хорваты (в терминологии Цвиича) и словенцы от болгар. Помимо языка, Цвиич говорил о сходстве психологических черт сербов, хорватов и словенцев. Так, им свойственна интеллектуальная и нравственная чувствительность. Сильно развитое чувство эмпатии составляет основу национального характера всех южных славян: «Эти чувства живее, чем у русских, особенно у великороссов. Они часто переходят в страсти и могут переродиться в нетерпимость во внутренней борьбе» (Цвијић, 2019, с. 9).

На постъюгославском пространстве, по логике исследователя, преобладают динарский и центральный тип, которые представляют один из первых кливажей разделенных обществ на Балканах — ценностный. Так, динарский тип — это воплощение свободного духа, носителям этого типа присуще развитое национальное самосознание, уважение к предкам, самопожертвование ради общего блага. Динарцы

ведут патриархальный образ жизни, в котором присутствует культ героизма и чести. Центральный же тип, в противовес динарскому, проявился в долинах рек Моравы и Вардара, среди «слабого населения» (по Цвиичу), которое веками подвергалось гнету турок и албанцев. В постоянном страхе за жизнь развивался характер рабоподобных и подавленных людей. Представителю центрального типа свойственны робость, покорность, прагматизм и «моральная мимикрия» (идентификация с агрессором).

Интересно, что термин «южные славяне» (Юго-славяне..., 1904) вошел в политический дискурс в XIX в. вместе с политизацией географического термина «Балканы». Данное определение народов, населяющих Балканский полуостров, явилось ответом на запрет австро-венгерским правительством иллирийского движения.

Иллиризм в свою очередь возник и оформился как политическое движение в Хорватии в 1830-е гг. в ответ на мадьяризацию системы образования в восточных частях Австро-Венгерской империи. Иллирийцы — древние доримские жители центральной и западной частей Балканского полуострова (современной Хорватии (за исключением Истрии), Боснии и Герцеговины, Черногории и Албании, частей Словении, Венгрии, Сербии и Северной Македонии). Иллирийцы представляют собой исторический конструкт, разработанный в греко-римской древности и увековеченный в различных контекстах от раннего Нового до Новейшего времени. В науке ведутся споры о том, представляют иллирийцы отдельную этническую группу или являются предками славян. Так, современные взгляды на эти сообщества остаются в вечном подвешенном состоянии, балансируя между противоположными представлениями об их единстве и неоднородности (Džino, 2014).

Представители иллирийского движения в Хорватии отталкивались от тезиса о том, что иллирийцы были славянами или славянизировались в ходе истории, а потому воспринимали их как противопоставление внешним «Другим» на Балканах: венграм, османам, немцам, итальянцам. Как пишет М. Гринберг, «панславизм, который “вита́л в воздухе” среди славянских интеллектуалов, сформировал иллирийскую идеологию и обеспечил основу для противодействия венгерскому националистическому вызову хорватской идентичности» (Greenberg, 2010, p. 366). Хорватские идеологи движения Людевит Гай, Янко Дравшковиц, Иван Кукулевиц-Сакцинский и другие выступали за объединение всех «иллиров», т.е. южных славян, прежде всего в лингвокультурологическом пространстве, а затем и в политическом. Так, иллирийское движение выступало за унификацию языка южных славян и отказ от кайковского диалекта в пользу штоковского (который впоследствии стал основой сербо-хорватского языка в Югославии) (подробнее о языковой политике см.: Попадьева, 2021). К 1841 г. иллирийское движение оформилось в политическую партию, выступавшую за признание южнославянской идентичности на балканских территориях Австро-Венгрии (предлагалось, например, использовать этноним иллириец из Хорватии, Боснии и т.д.).

Движение завершило свое существование к 1848 г. из-за абсолютистской политики австро-венгерского двора, с одной стороны, и из-за противоречащих иллирийской идее сербских проектов объединения южных славян в одном государстве — с другой (например, идеям В. Караджича, реформатора сербохорватского языка, и программному документу «Начертание» И. Гарашанина).

Несмотря на то, что сегодня идеи иллиризма рассматривают часто, если не исключительно, как основу становления хорватской нации и хорватского самосознания, иллирийское движение имело своих сторонников и в Словении, Сербии,

Черногории, Боснии (Greenberg, 2010, p. 370–374). Таким образом, тезис о том, что объединение южных славян в одном государстве — это великосербский проект, ставший основой создания в 1918 году Королевства сербов, хорватов и словенцев (позже — Королевства Югославии), не совсем верен и используется различными политическими группами на постъюгославском пространстве как инструмент разделения обществ, составлявших ранее единое государство.

Югославизм на Балканах

После Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны идеи Цвиича актуализировались в политике нового государственного образования, появившегося на обломках Австро-Венгерской и Османской империй, — Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) (с 1929 г. — Королевства Югославия). Е. Ю. Гуськова пишет, что «Сербии же, как таковой, после 1918 года нет. Идея жертвенности во имя югославянства, ощущение ответственности за судьбу других народов многонациональной страны — важные характеристики сознания сербов на протяжении почти всего XX века» (Гуськова 19, 2017, с. 512). Тезис о том, что именно Сербия стала идейным центром объединения всех южных славян в одном государстве, широко распространен в научном дискурсе, однако положения иллиризма демонстрируют, что и хорваты, и словенцы были готовы отказаться от части культурно-лингвистических и политических различий для формирования новой политики. Так, например, еще в 1850 г. усилиями хорватских и сербских интеллектуалов было подписано Венское литературное соглашение о создании единого литературного языка (Попадьева, 2021, с. 92), которое заложило основу для формирования государственного языка в рамках КСХС.

Важно отметить, что с первых дней своего существования югославский проект не предусматривал создание единой нации, что было отражено и в названии. После многих веков политической зависимости от разных империй южные славяне, хотя и отказались от ряда различий для создания единого государства, однако стремились развивать этнокультурное самосознание. Отсюда югославизм, идеологию в рамках КСХС, можно определить как этнический, а иногда и политический национализм, который имел своей целью создание единой или объединенной идентичности, основанной на языковых и исторических связях, и противостоял более узким представлениям о национальной идентичности (то есть сербской, хорватской, словенской, черногорской и позже македонской) (Stiks, Wachtel, 2019, p. 57).

После Второй мировой войны, а также гражданской войны, когда монархия пала, на карте Балкан появляется Федеративная Народная Республика Югославия (с 1963 года — Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ)). «Вторая Югославия» должна была теперь объединить не только различные этнические группы, но и социальные страты, занимавшие разные политические позиции в новейшей истории, которые боролись друг против друга во время войн, продвигая различные идеологии и национальные планы.

Проект нового государства перерабатывает идеи югославизма, уходя от этнокультурной основы к гражданской: югославизм становится еще одним инструментом в борьбе с национализмом и сепаратизмом (Pearson, 2015) с учетом этнического характера югославских республик. Теперь термин использовался для описания привязанности к Югославии (аналогией служит «новая историческая общность — советский народ» (XXIV съезд КПСС..., 1971)); способствовал зарождению югославского самосознания, росту патриотизма. Так, например, на Конференции Союза

коммунистов Югославии 1967 г. И. Броз Тито выступил с речью, подчеркивающей гражданский характер нового югославизма: «Когда наша молодежь хочет определять себя только как югославов, я поддерживаю их в понимании того, что речь идет не о каком-то новом национальном чувстве, а о чувстве принадлежности к нашему социалистическому сообществу. Я много раз говорил, что каждый может быть тем, кем он себя считает, и что никто не имеет права навязывать ему национальность, если он чувствует себя только гражданином Югославии» (Jovanović, 1981).

Кроме того, власти СФРЮ стали продвигать политику «Братства и Единства» («Bratstvo i Jedinstvo») как необходимое условие функционирования многонациональной федерации, основу мирного сосуществования ее народов и важнейшую характеристику югославского социализма. Неудивительно, что подобная политика превратилась в «гражданскую религию»: «Сплав мифов, квазирелигиозных символов, культов, ритуалов, верований и обычаев обеспечивал легитимность нации и убеждал людей в том, что система «хорошая» (Pearson, 2015, p. 95). Узаконивающими принципами новой многонациональной федерации стали антифашистская борьба и освобождение страны от иностранных оккупантов; социалистические идеалы, основанные на марксистско-ленинской идеологии; а также политика равенства, братства и единства между всеми югославскими народами, несмотря на их различия (Perić, 2002).

Национальность в СФРЮ была фактически закреплена за территорией: во всех республиках федерации — в Словении, Хорватии, Сербии, Черногории, Македонии (исключением была лишь Босния и Герцеговина) — национальное большинство было более 50%. Такой внутренний этнический состав сделал СФРЮ «одной из самых диверсифицированных структур среди европейских стран» (Lampe, 1994). Чтобы гарантировать крупным этническим группам особый статус в рамках федерации, большинство каждой республики признавалось базовой национальной (образующей республику) единицей. Таким образом власти удовлетворили идентификационные потребности групп, которые до недавнего времени были носителями антагонистических идеалов. Словенцы, хорваты, сербы, черногорцы, македонцы, а с 1971 г., после принятия поправок в Конституцию (Конституция..., 1966), и боснийские мусульмане были признаны народами не только в своих республиках, но и на всей территории Югославии. Группы с родиной за пределами Югославии, такие как албанцы, турки или венгры, были признаны народностями (национальностями), в то время как этническими группами считались цыгане (рома) и другие меньшинства (Janjić, 1997).

Учитывая различия групп, проблемы идентичности и разделительный опыт гражданского конфликта во время Первой и Второй мировых войн, принцип социалистического равенства и ставка на общие славянские корни представляли собой лучшее решение проблем разделения и нестабильности (Отчет..., 2012). Как показала дальнейшая история, несмотря на позитивное влияние югославизма в решении межэтнических противоречий, избежать этнополитических конфликтов при распаде Югославии не удалось. За несколько лет до коллапса югославянской идеи, в 1988 г., Д. Балашевич, получивший почетное звание посла доброй воли ООН за заслуги в примирении воевавших между собой балканских народов силой искусства, выпускает песню «Реквием», посвященную зарождающимся процессам дезинтеграции, где звучит предчувствие неизбежной трагедии: «Svako pleme crta granicu./ Svi bi hteli svoju stranicu» («Каждое племя чертит свою границу./ Все бы

хотели иметь свою страницу») (Balašević, 2006). В новых государствах, образовавшихся после распада СФРЮ, вопросы конфликтов и противоречий, питаемые этнонациональной повесткой, до сих пор остаются актуальными.

Распад Югославии и сопутствующие ему кровопролитные этнополитические конфликты в итоге поставили крест на идее югославизма, представляя СФРЮ как эксперимент, который не удался. Соответственно, и общественность, и научное сообщество стали отходить от определения «южные славяне» или «югословены», маркируя их как морально устаревшие и политически отрицательно заряженные. Возникший вакуум вновь заполняет термин «Балканы», а жители на пространстве бывшей Югославии, когда желают подчеркнуть свою общность, начинают охотнее использовать термин «балканцы».

Ре-балканизация постъюгославского пространства

В ответ на новые идентификационные процессы на Балканах западное сообщество, желая вбить последний гвоздь в крышку гроба Югославии, возвращает в общественный дискурс термин «балканизация». Согласно энциклопедии «Британика», балканизация — это разделение многонационального государства на более мелкие этнически однородные образования. Этот термин также используется для обозначения этнического конфликта в полиэтнических государствах (Pringle, 2018). Симптоматичным, как замечает М. Тодорова, является то, что термин появился в конце Первой мировой войны, когда на карте Балкан образовалось лишь одно государство — Албания, а остальные государства (Греция, Сербия, Черногория, Румыния, Болгария), которые определяла балканизация, отделились от Османской империи еще в XIX веке. Несмотря на то, что в науке к терминологии выдвигаются требования адекватности отражения содержания понятия и смысловой однозначности, в случае балканизации создание Югославии, к примеру, представляло прямо противоположный процесс (Todorova, 2006, s. 97). Так, вместо однозначности в пределах своего терминологического поля и стилистической нейтральности термин «балканизация» привнес в научный дискурс демонизацию Балкан в целом и постъюгославского пространства в частности.

После принятия государствами региона курса на евроинтеграцию, функционеры ЕС решили нивелировать негативные коннотации «балканского» положения стран-кандидатов, вследствие чего был предложен термин «Западные Балканы», обозначающий якобы географическое положение этих стран. На практике же определение «западные» носит характер притяжательности: постъюгославское пространство входит в сферу непосредственных интересов ЕС, когда еврочиновники пытаются «импортировать» позитивный образ внешнего Другого.

С провалом югославского проекта и распадом Югославии (дословно — государства южных славян) в регионе складывается тренд на деславянизацию местного населения. Так, разрабатываются различные конструкты новых национальных идентичностей путем переписывания истории — у каждого «племени» появляется «своя страница». Во всех странах региона делается ставка на автохтонность населения на Балканах, подчеркивая его неславянское происхождение. Сербь мифологизируются как один из старейших народов, причем не только на Балканах (например: Luković Pjanović, 2014; Бранков Арсеновић, 2008; Radić, 2018). Хорваты называют себя «древнейшими европейцами» или иллирийцами, однако теперь, спустя два века после иллирийского движения, отказываются от славянского компонента

иллиризма (например: Sokol, 2019; Primorac, Marjanovic, Rudan, Villems & Underhill, 2011). Идеи иллиризма развивают и в Черногории, подчеркивая, что черногорцы произошли от верхнепалеолитических европейцев, однако после попали под влияние славян (подробнее см.: Šistek, 2015). В Словении продвигается идея о венецком происхождении словенцев и их родстве с венецианцами (подробнее см.: Пивень, 2021). В Северной Македонии отрицается славянское происхождение македонцев, поскольку они ведут свою историю от Александра Македонского (тезис, который до сих пор является камнем преткновения между Грецией и Северной Македонией) (Hudson & Dodovski, 2009). В Боснии и Герцеговине продвигается также идея автономности бошняков (в противопоставлении другим двум государствообразующим народам — сербам и хорватам), которые жили на территории современной Боснии и Герцеговины задолго до прихода южных славян на эти земли (Zoranić, 2009).

Когнитивная карта балканской идентичности на постъюгославском пространстве

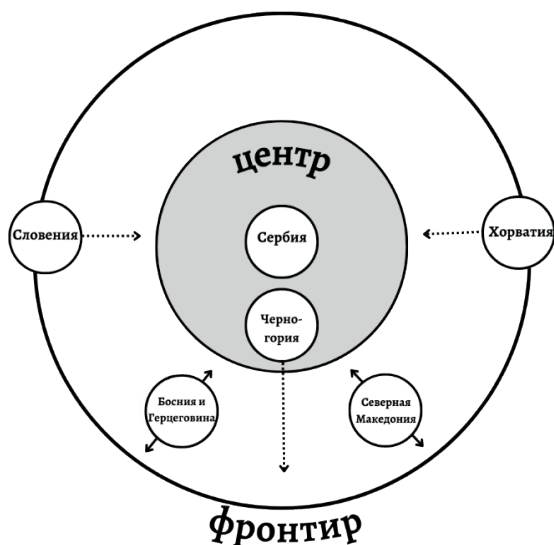
Процессы деславянизации, которые сопровождаются переписыванием истории, войнами памяти и лингвистическими расколами, в странах региона трактуются по-разному с точки зрения балканской идентичности (принадлежности к Балканскому полуострову). Так, в Сербии и Черногории данные нарративы находятся на периферии общественного и научного дискурса по причине того, что в странах сильным политическим фактором является Сербская православная церковь и святославский миф (образ святого Саввы как символ православного единства) (Бисерко, 2021), поддерживающие славянский, и шире балканский, нарратив. Балканская идентичность в Сербии также строится вокруг косовской и шумадийской мифологем, дающих почву для формирования национальной идентичности, основанной на памяти о национально-освободительной борьбе за территорию — за Балканы. В Черногории также встречается нарратив о непокорности внешним «Другим», когда черногорцы называют себя «сербской Спартой». Последняя перепись населения 2011 г. (Popis..., 2011) опять же подчеркивает связь Черногории с Сербией: 45% опрошенных определяют себя как черногорцы, а 29% — как сербы. Однако языковая идентичность расходится с этнической: так, 43% жителей Черногории отметили, что говорят на сербском языке, против 37% тех, кто говорит на черногорском. Кроме того, большинство граждан Черногории (72%) исповедуют православную веру.

В Боснии и Герцеговине (БиГ) и Северной Македонии (СМ) на фоне этнополитических конфликтов внутри стран можно заметить одновременно влияние центробежных и центростремительных сил на процесс южнославянской идентификации жителей, которая, как было показано выше, подменяется сейчас балканской идеей в связи с негативными коннотациями югославизма. Балканская идентичность БиГ и СМ носит гибридный характер, исключая бинарные понятия, что на практике приводит сегодня к конфликту идентичностей и постоянной борьбе нарративов по социальным расколам. Основой центростремительных сил балканской идентичности в БиГ остается Республика Сербская (один из двух энтитетов страны), для жителей которой язык, историческая память, вера, культура и политика являются объединяющими идентитарными маркерами с Сербией. Перспектива европейской интеграции БиГ создает конфликт идентичностей по разделу «модерн — архаика», где путь европеизации воспринимается как прогрессивный импорт экономической и политической стабильности против отказа от «балканского» прошлого. Однако,

как показывают последние опросы (Istraživanje..., 2022), даже в лояльном, казалось бы, бошняцко-хорватском этнитете нет консенсуса относительно европейской альтернативы: в 2022 г. больше половины граждан Федерации БиГ, отвечая на вопрос о перспективе вступления, отметили, что это произойдет не в ближайшее 15–20 лет, а 26% из них отметили, что БиГ никогда не вступит в ЕС (в Республике Сербской так считают более 50%). В Северной Македонии евроскептицизм подкреплен и этнополитическими конфликтами с соседними странами-членами — Болгарией и Грецией. Угроза размывания македонского этноса и непризнание топографических названий, языка и истории со стороны соседей актуализирует балканский дискурс.

Словения и Хорватия, в силу своего членства в ЕС, располагаются на позиции фронта: исходя из методологии отечественных ученых (Романова, Якушенков, 2012), можно заключить, что государства находятся на втором этапе формирования фронтальной идентичности — адаптационном, когда актуализируются механизмы приспособления и трансгрессии. В частности, географически и в Словении, и в Хорватии развивается нарратив о принадлежности к Центральной Европе, что подкрепляется и клерикальными связями с католической церковью в противопоставлении с православным миром Сербии, Черногории, Северной Македонии и частично Боснии и Герцеговины. В то же время общность языка, культуры и истории (хотя и активно переписываемой сегодня) не позволяет хорватам и словенцам полностью противопоставить себя балканской идентичности. Кроме того, в странах «большой Европы» развиваются нарративы об исторических и территориальных претензиях к Хорватии и Словении (подробнее см.: Пивоваренко, 2022), что также обуславливает в обществе существование фронтальных маркеров идентичности.

Когнитивную карту балканской идентичности на постъюгославском пространстве можно представить следующем образом:



Когнитивная карта балканской идентичности на постъюгославском пространстве
(составлена автором)

Cognitive mapping of Balkan identity in post-Yugoslavia (designed by the author)

В центре балканской идентичности находится Сербия, как основной локомотив идей балканизма (заметим, не в западной трактовке — без негативных коннотаций): в Сербии продвигается тезис о том, что балканцы — это динарский тип личности (по Цвиичу) со свойственным ему эмоциональным богатством реакций, верности традициям и, как следствие, противостоянием цивилизации и модернизации, почитанием предков и истории, жертвенностью и готовностью бороться за собственную идентичность. В центре также находится Черногория, однако учитывая расколы, существующие в черногорском обществе, на схеме пунктирной стрелкой указано и центробежное стремление к фронтиру. Босния и Герцеговина, а также Северная Македония представляют собой разделенные общества по ряду параметров, отчего их нельзя отнести ни к Центру, ни к Фронтиру: на схеме отображено их межполярное положение, а также центробежные и центростремительные силы относительно балканской идентификации. Хорватия и Словения находятся на линии Фронттира, поскольку формирование фронттирной идентичности и переход в новое идентитарное пространство в этих странах не завершены и здесь также существуют югостальгия и балканские (культурно-лингвистические прежде всего) нарративы, от этих стран проведены пунктирные стрелки к центру.

Данная модель применима и для картирования других случаев разделенных обществ, которые в определенный исторический период проживали или проживают в рамках одного политического пространства², но разделены государственными границами. Схожие процессы переосмысления общей идентичности можно найти на постсоветском пространстве, где отдельные страны располагаются в центре наследниц советской идентичности (Россия, Беларусь), часть стран испытывает на себе межполярные расколы (страны Южного Кавказа и Центральной Азии с оговорками), а некоторые находятся на позиции фронта, представляя своих граждан как жертв исторической несправедливости и самоопределяя себя посредством негативной идентичности через отрицание советского наследия и разрыв связей с Россией как преемницей СССР (например, Украина и страны Балтии) (подробнее см.: Семененко, Лапкин, Бардин, Пантин, 2017). Через призму центр-фронттирной полярности уместно рассматривать и кейс ЕС при анализе отношения субъектов к панъевропейской (наднациональной) идентичности. На практике анализ регионов посредством моделирования центр-фронттирной полярности позволяет странам находить общие основы для решения межгосударственных противоречий и формулировать адекватный внешнеполитический курс.

Выводы

На протяжении своей истории Балканы являлись местом противостояния внешних акторов: «В силу чересполосного проживания народов на этой территории мир на Балканах был возможен только в том случае, если какая-то великая держава исполняла обязанности третейского судьи и наводила разумный порядок» (Пономарева, 2010, с. 178). В новейшее время существование и суверенитет государств постъюгославского пространства, раздираемых внутренними противоречиями и внешними силами, зависят от поиска примирительных конструктов, способных объединить противоречивое

² В данном случае политическое пространство не является чисто географической категорией, а представляет собой «интерсубъективную политическую реальность», в которой идентичность одновременно формирует и формируется пространством. (Подробнее о пространственном подходе к анализу категории идентичность см.: Прохоренко, 2015).

историческое прошлое и разнонаправленные проекты нациестроительства новых политий. В условиях современной геополитической и экономической реальности от сотрудничества в регионе напрямую зависит существование постъюгославских государств как оформленных и независимых политий. Процесс отрицания общего исторического прошлого, выражающийся прежде всего в деславянизации населения, ведет к *провинциализации* — сокращению фокуса внимания общества до проблем и вызовов своей страны или еще уже — территории проживания, что неизбежно ведет к дальнейшему разделению данных сообществ и возвращению к «нарциссизму малых различий» (термин использован в: Dvorniković, 2000). Представляется, что балканская идентичность может служить как фактором конфликтогенности (с подачи внешних сил, заинтересованных в отрицании политической субъектности постъюгославских государств), так и ресурсом для смягчения расколов разделенных обществ. Так, несмотря на попытки дискредитации коллективной идентичности балканских народов посредством стереотипизации и дегуманизации, балканская идентичность на современном этапе может способствовать гармонизации отношений не только между странами бывшей Югославии, но и между другими странами региона. В практической плоскости это выражается, к примеру, в сотрудничестве в рамках экономических проектов «Открытые Балканы» и Центрально-европейской ассоциации свободной торговли (ЦЕАСТ).

Таким образом, сегодня для разделяемых политическими противоречиями сообществ постъюгославского пространства балканская идентичность не дает им стать окончательно разделенными.

Библиографический список

- Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма*. Москва: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Бисерко, С. (2021). *Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан. Актуальные проблемы Европы*, 110(2), 84–100. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04
- Бранков Арсенивић, А. (2008). Обредне песме древних Срба из Индији. Београд: Мирослав.
- Гуськова, Е. Ю. (2017). *Сербия: от идеи югославизма к идее сербства. Славяне и Россия*, 1, 509–524.
- Дробижева, Л. М. (2008). *Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Россия реформирующаяся*, 7, 214–227.
- Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии (1966). (Принята Союзной Народной Скупщиной 7 апреля 1963 г.). Москва: Юридическая литература.
- Малешевич, А. В. (2022). *Западные Балканы в дискурсе ЕС и стран региона с позиции критики балканизма. Дискурс-Пи*, 19 (3), 86–100. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_86
- Михайлов, В. Т. (2013). *Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности. Культурная и гуманитарная география*, 2 (2), 140–152.
- Отчет по научно-исследовательскому проекту “Балканские страны: дрейф осколков бывшей Югославии” (Сербия — Македония — Босния и Герцеговина). (2012). МГУ. *Географический факультет*, 32–33.
- Колдобская, Н. А. (2013). Балканские страны: дрейф осколков бывшей Югославии (на примере Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины). В *Материалы XX Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. Москва: МГУ.
- Пивень, П. В. (2021). *Венеты Норика как праславянский элемент. Известия Алтайского государственного университета*, 5 (121), 70–77. DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-11

- Пивоваренко, А. А. (2022). *Политизация исторической памяти Италии по вопросу Истрии (внешнеполитический дискурс)*. *Славяноведение*, 5, 88–102. DOI: 10.31857/S0869544X0022028-3
- Пономарева, Е. Г. (2010). *Новые государства на Балканах*. Москва: МГИМО-Университет.
- Попадьева, Т. И. (2021). *Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины*. *Вестник МГИМО Университета*, 14 (4), 91–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106
- Прохоренко, И. Л. (2015). *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. Москва: ИМЭМО РАН.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н. (2012). *Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социальнополитической и экономической ситуации на Юге России*. *Инноватика и экспертиза: научные труды*, 9(2), 74–80.
- Саид, Э. (2006). *Ориентализм: Западные концепции Востока*. Санкт-Петербург: Русский Мирь.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Бардин, А. Л., Пантин, В. И. (2017). *Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве*. *Полис. Политические исследования*, 5, 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2021). *Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации*. *Полис. Политические исследования*, 5, 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.07
- Цвијић, Ј. (2019). *Психички особине јужних словена*. Београд: Талија издаваштво.
- Исходное: Юго-славяне. (1904). *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, 41, 238. СПб. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* (1904), 41. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон.
- Исходное: XXIV съезд КПСС. (1971). *Стенографический отчет*. Т. I. М.: Политиздат.
- КПСС. Съезд, 24-й (1971). (Стенографический отчет). Т. 1. Москва: Политиздат.
- Andjelić, N. (2003). *Bosnia-Herzegovina. The End of a Legacy*. London: Frank Cass Publishers.
- Vajagić, M. (2012). *Vodič kroz snove*. Beograd: Večernje Novosti.
- Balašević, D. (2006). Requiem. Retrieved from <https://tekstovi.net/2,128,15885.html>
- Dvorniković, V. (1939). *Karakterologija Jugoslovena*. Beograd: Kosmos.
- Džino, D. (2014). *Constructing Illyrians: Prehistoric Inhabitants of the Balkan Peninsula in Early Modern and Modern Perceptions*. *Balkanistica*, 27, 1–39.
- Greenberg, M. L. (2010). *The Illyrian Movement: A Croatian Vision of South Slavic Unity. Handbook of Language and Ethnic Identity: The Success-Failure Continuum in Language Identity Efforts*, 2, 364–380. Oxford: Oxford University Press.
- Hudson, R., Dodovski, I. (2023). *Macedonia's Long Transition: From Independence to the Prespa Agreement and Beyond*. London: Palgrave Macmillan.
- Direkcije za evropske integracije (2022). *Stavovi građana o članstvu u Evropskoj uniji i procesu integracija u EU*. (Istraživanje javnog mnijenja). Retrieved from https://www.dei.gov.ba/uploads/documents/ijm-2022_1664197423.pdf
- Janjić, D. (1997). *Ethnic Conflict Management: The Case of Former Yugoslavia*. Ravenna: Longo Editore.
- Исходное: Jovanović, D. (1981). *Pred početak popisa stanovništva 1981: Šta ćemo sa onima koji se izjašnjavaju kao Jugosloveni? Yugopapir*. Retrieved from <http://www.yugopapir.com/2017/09/pred-pocetak-popisa-stanovnistva-1981.html>
- Jovanović, D. (1981). *Pred početak popisa stanovništva 1981: Šta ćemo sa onima koji se izjašnjavaju kao Jugosloveni? Yugopapir*. Retrieved from <http://www.yugopapir.com/2017/09/pred-pocetak-popisa-stanovnistva-1981.html>
- Lampe, J. R. (1994). *The Failure of the Yugoslav National Idea. Studies in East European Thought*, 46, 69–89.

- Lijphart, A. (1968). *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkley, Los Angeles: University of California Press.
- Lipset, S. M. (1960). *Political Man: The Social Basis of Politics*. Garden City, New York: Doubleday & Company.
- Lipset, S. M., Rokkan, S. (1967). *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction*. New York: Free Press.
- Luković Pjanović, O. (2014). *Srbi... Narod najstariji*. Beograd: Miroslav.
- Pearson S. (2015). The “National Key” in Bosnia and Herzegovina: A historical perspective. *Nationalities Papers*, 43(2), 213–232. DOI: 10.1080/00905992.2014.1002463
- Perica, V. (2002). *Balkan Idols. Religion and Nationalism in Yugoslav States*. Oxford: Oxford University Press.
- Исходное: *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine*. Zavod za statistiku, 83. Podgorica.
- Zavod za statistiku. *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011 godine*.
- Primorac, D., Marjanovic, D., Rudan, P., Villemis, R., Underhill, P. (2011). *Croatian genetic heritage: Y-chromosome story*. *Croatian medical journal*, 52, 225–234. DOI: 10.3325/cmj.2011.52.225
- Pringle, R.W. (2023). Balkanization. *Encyclopedia Britannica*. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/Balkanization>
- Radić, R. (2018). *Srbi pre Adama i posle njega*. Beograd: Evoluta.
- Rokkan, S. (1973). Cities, States, and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development, I. In S. N. Eisenstadt, S. Rokkan (Eds.), *Building States and Nations: Methods and Data Resources* (pp. 73–97). Beverly Hills: Sage Publications.
- Rokkan, S. (1967). Geography, Religion and Social Class: Cross Cutting Cleavages across Norwegian Politics. In S. M. Lipset, S. Rokkan (Eds.), *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* (pp. 379–386). New York: Free Press.
- Šistek, F. (2015). *Narativi o identitetu*. Podgorica: Kultura i istorija.
- Sokol, V. (2019). *Hrvatska srednjovekovna arheološka baština*. Zagreb: Meridijani.
- Stiks, I., Wachtel, A. (2019). Squaring the South Slavic Circle: Ethnicity, Nationhood and Citizenship in Yugoslavia. In Jasper M. Trautsch (Ed.), *Civic Nationalisms in Global Perspective* (pp. 54–69). London, New York: Routledge.
- Todorova, M. (2006). *Imaginarni Balkan*. Beograd: Biblioteka XX vek.
- Zizek, S. (1999). *The Spectre of Balkan*. *The journal of the International institute*, 6 (2). Retrieved from <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0006.202>
- Zoranić, H. (2009). *O Etnogenezi Bošnjana — Bošnjaka*. Sarajevo: Svjetlost.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023

Статья принята к публикации 10.12.2023

Для цитирования: Попадьева Т. И. Балканы: разделенные или разделившиеся? Анализ нарративов балканской идентичности на постъюгославском пространстве. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2023. Т. 24. № 4. С. 6–22.

THE BALKANS: DIVIDED OR SEPARATED? ANALYZING NARRATIVES OF POST-YUGOSLAV BALKAN IDENTITY

T. I. Popadeva

Tatiana I. Popadeva

E-mail: tatpopadyova@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0624-2732.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Abstract. The states of the former Yugoslavia and, more broadly, the Balkans today remain one of the reference points of world politics. In many ways, the Balkan Peninsula is still considered the “powder keg of Europe” due to the political division of its communities. However, the well-established toolkit for analyzing political processes in the region often reveals its predictive failure. One of the solutions in constructing trajectories for the political development of the Balkans can be an identity prism of research. In the context of the exacerbation of ethno-political conflicts after the disintegration of the SFRY, the competition of national projects and discourses of the development of newly formed polities, wars of memory and the struggle of historical narratives, economic crises and the global reorganization of the world, this paper presents a classification of post-Yugoslav states according to the nature of the politicization of social divisions that accompany identification processes in the region. Exploring the historical and political development of the Balkans and its modern narratives, the article proposes a new approach to the identity analysis of the former Yugoslavia countries — the “Center — Frontier” polarity, as well as a cognitive map of the region based on this approach.

Keywords: Balkans, post-Yugoslav space, divided societies, identity, frontier.

DOI 10.31429/26190567-24-4-6-22

References

- Anderson, B. (2001). *Vobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniye ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moskva: KANON-Press-TS; Kuchkovo pole.
- Andjelić, N. (2003). *Bosnia-Herzegovina. The End of a Legacy*. London: Frank Cass Publishers.
- Bajagić, M. (2012). *Vodič kroz snove* [Guide to Dreams]. Beograd: Večernje Novosti.
- Balašević, D. (2006). *Requiem*. Retrieved from: <https://tekstovi.net/2,128,15885.html>
- Biserko, S. (2021). *Gegemonistskiye natsionalisticheskiye matritsy proshlogo i budushcheye Balkan. [Hegemonic Nationalist Matrices of the Past and the Future of the Balkans]. Aktual'nyye problemy Yevropy [Current Problems of Europe]*, 110(2), 84–100. DOI: 10.31249/ape/2021.02.04
- Brankov Arsenoviĥ, A. (2008). *Obredne pesme drevnih Srba iz Indiji* [Ritual Songs of Ancient Serbs from India]. Beograd: Miroslav.
- Direkcije za evropske integracije [European Integration Directorates] (2022). *Stavovi građana o članstvu u Evropskoj uniji i procesu integracija u EU* [Citizens' Views on Membership in the European Union and the EU Integration Process]. (Istraživanje javnog mnijenja [Public Opinion Survey]). Retrieved from https://www.dei.gov.ba/uploads/documents/ijm-2022_1664197423.pdf
- Drobizheva, L. M. (2008). *Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovmestivosti. [National-Civil and Ethnic Identity: Problems of Positive Compatibility]. Rossiya reformiruyushchayasya [Reforming Russia]*, 7, 214–227.
- Dvorniković, V. (1939). *Karakterologija Jugoslovena* [Characterology of Yugoslavs]. Beograd: Kosmos.
- Džino, D. (2014). *Constructing Illyrians: Prehistoric Inhabitants of the Balkan Peninsula in Early Modern and Modern Perceptions. Balkanistica*, 27, 1–39.
- Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron] (1904), 41. Sankt-Peterburg: F. A. Brokgauz — I. A. Yefron.
- Greenberg, M. L. (2010). *The Illyrian Movement: A Croatian Vision of South Slavic Unity*. In J. A. Fishman, O. García (Eds.) *Handbook of Language and Ethnic Identity: The Success-Failure Continuum in Language Identity Efforts*, 2, (pp.364–380). Oxford: Oxford University Press.
- Gus'kova, Ye. Yu. (2017). *Serbiya: ot idei yugoslavizma k idee serbstva. [Serbia: from the idea of Yugoslavism to the idea of Serbianism]. Slavyane i Rossiya [Slavs and Russia]*, 1, 509–524.
- Hudson, R., Dodovski, I. (2023). *Macedonia's Long Transition: From Independence to the Prespa Agreement and Beyond*. London: Palgrave Macmillan.
- Janjić, D. (1997). *Ethnic Conflict Management: The Case of Former Yugoslavia*. Ravenna: Longo Editore.

- Jovanović, D. (1981). Pred početak popisa stanovništva 1981: Šta ćemo sa onima koji se izjašnjavaju kao Jugoslaveni? [Before the 1981 Census: What Shall We Do with Those Who Declare Themselves Yugoslavs?]. *Yugopapir* [Yugo-paper]. Retrieved from <http://www.yugopapir.com/2017/09/pred-pocetak-popisa-stanovnistva-1981.html>
- Koldobskaya, N. A. (2013). Balkanske strane: dreyf oskol'kov byvshey Yugoslavii (na primere Serbii, Makedonii, Bosnii i Gertsegoviny) [The Balkan Countries: Drifting Fragments of the Former Yugoslavia (on the Example of Serbia, Macedonia, Bosnia and Herzegovina)]. In *Materialy XX Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Lomonosov"*. [Materials of the XX International Youth Scientific Conference of Students, Post-graduates and Young Scientists "Lomonosov"]. Moskva: MGU.
- Konstitutsiya Sotsialisticheskoy Federativnoy Respubliki Yugoslavii (1966). [Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia] (*Prinyata Soyuznoy Narodnoy Skupshchinoy 7 aprelya 1963 g.* [Adopted by the Union People's Assembly on April 7, 1963]). Moskva: Yuridicheskaya literatura.
- KPSS. S'yezd, 24-y [XXIV Congress of the CPSU] (1971). (Stenograficheskiy otchet [Stenographic report]). T. 1. Moskva: Politizdat.
- Lampe, J. R. (1994). *The Failure of the Yugoslav National Idea. Studies in East European Thought*, 46, 69–89.
- Lijphart, A. (1968). *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkley, Los Angeles: University of California Press.
- Lipset, S. M. (1960). *Political Man: The Social Basis of Politics*. Garden City, New York: Doubleday & Company.
- Lipset, S. M., Rokkan, S. (1967). *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction*. New York: Free Press.
- Luković Pjanović, O. (2014). *Srbi... Narod najstariji* [The Serbs... The oldest nation]. Beograd: Miroslav.
- Maleshevich, A. V. (2022). *Zapadnyye Balkany v diskurse YeS i stran regiona s pozitsii kritiki balkanizma. [Western Balkans in the Discourse of the EU and the Balkan Countries from the Standpoint of Balkanism Critique]. Diskurs-Pi [Discourse-P]*, 19(3), 86–100. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_86
- Mikhaylov, V. T. (2013). *Balkany kak prostranstvo problemnoy nadnatsional'noy identichnosti. [Balkans as a space of problematic supranational identity]. Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya [Cultural and Humanitarian Geography]*, 2(2), 140–152.
- Pearson S. (2015). *The "national key" in Bosnia and Herzegovina: A historical perspective. Nationalities Papers*, 43 (2), 213–232. DOI:10.1080/00905992.2014.1002463
- Perica, V. (2002). *Balkan Idols. Religion and Nationalism in Yugoslav States*. Oxford: Oxford University Press.
- Piven', P. V. (2021). *Venety Norika kak praslavyanskiy element. [Noricum Venetians as a Proto-Slavic Element]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]*, 5(121), 70–77. DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-11
- Pivovarenko, A. A. (2022). *Politizatsiya istoricheskoy pamyati Italii po voprosu Istrii (vneshnepoliticheskii diskurs). [Politicization of the Historical Memory of Italy on the Issue of Istria (Foreign Policy Discourse)]. Slavyanovedeniye [Slavic Studies]*, 5, 88–102. DOI: 10.31857/S0869544X0022028-3
- Ponomareva, Ye. G. (2010). *Novye gosudarstva na Balkanakh* [New States in the Balkans]. Moskva: MGIMO-Universitet.
- Popad'yeva, T. I. (2021). *Yazykovaya politika kak instrument formirovaniya grazhdanskoj identichnosti: na primere Bosnii i Gertsegoviny. [The Politics of Language in Constructing Civil Identity: Case of Bosnia and Herzegovina]. Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relation]*, 14(4), 91–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106
- Primorac, D., Marjanovic, D., Rudan, P., Villems, R., Underhill, P. (2011). *Croatian Genetic Heritage: Y-chromosome Story. Croatian medical journal*, 52, 225–234. DOI: 10.3325/cmj.2011.52.225
- Pringle, R.W. (2023). Balkanization. *Encyclopedia Britannica*. Retrieved from <https://www.britannica.com/topic/Balkanization>

- Prokhorenko, I. L. (2015). *Prostranstvennyy podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnosheniy* [Spatial Approach to the Study of International Relations]. Moskva: IMEMO RAN.
- Radić, R. (2018). *Srbi pre Adama i posle njega* [Serbs before Adam and after him]. Beograd: Evoluta.
- Rokkan, S. (1967). Geography, Religion and Social Class: Cross Cutting Cleavages across Norwegian Politics. In S. M. Lipset, S. Rokkan (Eds.), *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* (pp. 379–386). New York: Free Press.
- Rokkan, S. (1973). Cities, States, and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development, I. In S. N. Eisenstadt, S. Rokkan (Eds.), *Building States and Nations: Methods and Data Resources* (pp. 73–97). Beverly Hills: Sage Publications.
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N. (2012). *Frontirnaya teoriya: novyy podkhod k osmysleniyu sotsial'no-politicheskoy i ekonomicheskoy situatsii na Yuge Rossii* [Frontier theory: a new approach to understanding the socio-political and economic situation in the South of Russia]. *Innovatika i ekspertiza: nauchnyye trudy* [Innovation and Expertise: Scientific Papers], 9(2), 74–80.
- Said, E. (2006). *Orientalizm: Zapadnyye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the East]. Sankt-Peterburg: Russkiy Mir”.
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., Pantin, V. I. (2017). *Mezhdu gosudarstvom i natsiyey: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve*. [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in Post-Soviet Societies]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 5, 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2021). *Sotsial'nyye razmezhevaniya i politicheskiye protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii otsenki i klassifikatsii*. [Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 5, 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.07
- Šistek, F. (2015). *Narativi o identitetu* [Narratives about Identity]. Podgorica: Kultura i istorija.
- Sokol, V. (2019). *Hrvatska srednjovekovna arheološka baština* [Croatian Medieval Archaeological Heritage]. Zagreb: Meridijani.
- Stiks, I., Wachtel, A. (2019). Squaring the South Slavic Circle: Ethnicity, Nationhood and Citizenship in Yugoslavia. In Jasper M. Trautsch (Ed.), *Civic Nationalisms in Global Perspective* (pp. 54–69). London, New York: Routledge.
- Todorova, M. (2006). *Imaginarni Balkan* [Imaginary Balkans]. Beograd: Biblioteka XX vek.
- Tsvijih, J. (2019). *Psikhichki osobine juzhnikh slovena* [Psychological Characteristics of the South Slavs]. Beograd: Talija izdavashstvo.
- Zavod za statistiku [Statistical Office] (2011). *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011 godine* [Census of Population, Households and Dwellings in Montenegro 2011].
- Zizek, S. (1999). *The Spectre of Balkan. The journal of the International institute*, 6(2). Retrieved from <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0006.202>
- Zoranić, H. (2009). *O Etnogenezi Bošnjana — Bošnjaka* [On the Ethnogenesis of Bosnians — Bosniaks]. Sarajevo: Svetlost.

Received 31.10.2023

Accepted 10.12.2023

For citation: Popadeva T. I. The Balkans: Divided or Separated? Analyzing Narratives of Post-Yugoslav Balkan Identity. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2023. Vol. 24. No. 4. Pp. 6–22.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).